
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ЛЮБЛЮ ОТЧИЗНУ Я, НО СТРАННОЮ ЛЮБОВЬЮ!» ЛЕРМОНТОВ И ИСТОКИ НОНКОНФОРМИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

...Как-то у нас в нынешнее время, естественно, с подачи СМИ и демонического Интернета, русский язык обратился в этакий полуамериканский, даже некогда дарованная Петром Первым народу милость зваться по имени — отчеству мигом исчезла, даже самых что ни на есть первых лиц государства в печати и радиотелевидении, в обыденной речи лишили отчества (!?). Как говорится, в одночасье лишили всех нас и отчества, и отчества, которыми издавна привыкли гордиться... А ведь до появления ренегатов «первого призыва» — каиновопятнистых и иже с ними — без отчества принято было называть несовершеннолетних и, но уже в качестве почести, деятелей искусства и литературы. Да еще во всех православных храмах пропевали анафему Стеньке Разину, Емельке Пугачеву, Ивашике Мазепе и другим татям и госизменникам — тоже без отчества да еще с уничижительными именами. Сейчас же, по американской моде, все стали вроде как несовершеннолетними и анафематовыми... Но при этом не стали так же массово культуртрегерами в области искусства и литературы.

Это мы все к разъяснению сути подзаголовка настоящей «Колонки», посвященной 200-летию Михаила Юрьевича Лермонтова. Охотно воспринимая и даже несколько щеголяя американизмами «проблема», «вау!» с «ваучером» и пр. и пр., добрый наш народ в то же время с недоверием относится к словам с греко-латинскими корнями, вошедшими в русскую речь сотни лет тому назад. Так и при слове «нонконформист» морщатся как при произнесенной вслух непристойности, в лучшем случае — мысленно подыскивают синоним (фонетический) из числа американизмов-жаргонизмов. Все смешалось в доме Облонских, словом...

В советской средней, равно как и в высшей, школе учили добротню, без американизмов, русскому языку в том числе. И в нашей школе им. М. А. Погодина города Полярного, тогдашней «столицы» Краснознаменского Северного флота, где каждый директор чем-нибудь да был знаменит — один даже гимн КСФ «Прощайте, скалистые горы» написал, — говорили правильно и умно. И учительницы, сплошь ленинградки, прибывшие в Заполярье с мужьями офицерами — подводниками, и ученики — это почти все дети флотских офицеров.

Когда же автор этих строк в старшекласном сочинении по заданной теме об образе Печорина поименовал Михаила Юрьевича «певцом нонконформизма», то строгой, но умнейшая наша учительница — словесница на последующем в классе разборе сочинений, дойдя, вернее, начав с моего, во-первых, предостерегала от излишней категоричности в употреблении греко-латинской терминологии; во-вторых, высказалась в том смысле, что быть тебе писателем...

Ну, писателем не писателем, сочинителем не сочинителем, но то, что Лермонтов стал первым и гениальным нонконформистом в русской поэзии, то есть певцом «потерянного поколения», что литературно благозвучнее, крепко запало в память.

Уже и не выпадет. Отдаленным синонимом это же латинского (non — нет + conformis — сходный) слова является народная присказка: все не в ногу идут, только я в ногу! Здесь, ради бога, не подумайте! — ничего обидного для нашего великого поэта нет, и даже подспудного намека. Тем более что от нонконформизма мы напроць отсекаем религиозную и политическую трактовки этого термина, а оставляем в нашем контексте только и исключительно черту характера, завладевшую творческим самовыражением, тем более, давшим России и миру великую и самобытную поэзию. Прозу и драматургию тоже.

Еще несколько поясняющих intermezzo, касающихся отображения характера (психологического) писателя на его творчество и национального характера в его отображении на творческую доминанту.

*В наше время, в которое в силу только что введенного в российский обиход закона об исключении непечатных выражений все приходится облекать в слова «удобные для печати», как говорили в XIX веке, так вот в это время СМИ всех видов технических носителей в ситуации «писатель пишет, читатель почитывает» все перевернули с головы на ноги. Если в тех же XIX—XX веках читатель и почитатель литературы, меломан, страстный театрал, любитель кино, даже обычный вечерний телезритель читали, слушали, смотрели собственно произведения литературы и искусства, особо, но обычно — и вовсе, не задумываясь о личности и личностном, бытовом так сказать, характере автора, исполнителя, актера и пр., то теперь СМИ и воспитанная им масс-медиа, электорат потребителей, так сказать, во главу ставит личностную жизнь автора произведения. Чего здесь растекаться мыслью по древу.— Включите телезритель вроде как на «интеллектуальнейшей» программе «Культура»: кто с кем спит в Голливуде, кто украл бриллианты Зыкиной, сколько бутылочек водки (виски, джина, китайского «пейцзю») и «баландо» *) в сутки выпивает писатель N... И все в этом роде: мужском, женском и среднем — ныне трансвеститском в стиле «Кончиты Европы». Мигом приходит на память знаменитый «Закат Европы» Освальда Шпенглера...*

Понятно, что современные культуртрегеры от СМИ и Лермонтова не минуют, благо характер-то Михаила Юрьевича не из сахарно-медовых был. Понятно, что он не мог не отразиться на чертах героев его произведений, особенно прозаических. Это азы, так сказать, диалектики психофизиологии личностного характера. Но избави вас бог, впасть в детство и сколь-либо полно отождествлять характеры, психологический тип по Карлу Густаву Юнгу, писателя и героев его произведений! Да не только героев, но и вообще идеологию, композицию и колорит произведений: нравственный, морально-этический и пр. Часто, слишком часто, они суть сама противоположность: мрачный ипохондрик Александр Грин, создавший самые светлые образы в литературе; плеяда знаменитых французских писателей, вылепивших великолепные образы щедрых и бескорыстных героев, самих же бывшими предельными скупердьями, готовыми за сантим удавиться... Продолжение до бесконечности. Впрочем, здесь достаточно.

О втором intermezzo, об отображении национального характера писателя на его творчество сейчас и писать-то страшиновато в век навязываемой всему миру пресловутой «толерантности» — великого идеологического оружия Тайного (пока) мирового правительства по превращению человека мыслящего, некогда гордого своей индивидуальностью, в винтик безликой биомассы. В данном аспекте национальность — враг номер один. Ладно, Америка, в смысле США, «перегонный куб», где понятие национальности с самого начала этой страны утрачено, но Европа-то? — с ее-то истовым историческим шовинизмом, само слово французское,

* Пиво и коньяк (кит.)

идиомой (это не от слова «идиот»...) национальной германской исключительности, «белокурой бестии» и *Ueberschicht*, британским консерватизмом?

...И к нам все подбираются и подпираются втихую. Вот и в паспортах приснопамятную «пятую графу» без особого на то пояснения убрали. Правда, в части остальных, так сказать, мочеполовых, «оттенков толерантности» наши власти пока что твердо стоят на позициях традиционных ценностей. Это хоть радует.

Если — в контексте темы настоящей «Колонки» — манкировать понятием национальной самоидентификации, то почти на всем творчестве Лермонтова, на истоках его нонконформизма, особенностях личностного характера (см. выше), чего, вообще-то говоря, литературоведение, даже осторожное советское, никогда не отрицало, можно смело ставить жирный знак (!), который означает в переводе на понятийный язык недоумение, не имеющие логического разрешения.

А вот и «контекст»: два величайших русских поэта в полной мере ощущали на себе, на своем творчестве эту национальную самоидентификацию: потомок эфиопских князей Пушкин и потомок же достаточно знатного рода Лерма (по другой версии — Лермонт) из Шотландии. Переселившиеся в новое свое отечество шотландцы дали многое русской литературе, особенно — ведь Шотландия страна бардов, говоря словами Роберта Бернса — ее поэзии: потомки Лермонтов, Рыленов, Бальмонтов; последний и вовсе фамилию предков сохранил. И все они, тут же заметим, бунтари — конформисты. Также в науке и промышленности России они сыграли существенную роль. ... Выдающийся ученый Марр, тоже из шотландцев, создатель яфетической школы языкознания, даже «удостоился» критики самого Сталина в специальной написанной Вождем работе «Марксизм и вопросы языкознания».*

Сам Михаил Юрьевич прямо соотносил себя, свое творчество с принадлежностью к потомкам шотландцев. С его картины «Предок Лерма» (масло, 1833, ИРЛИ) на нас смотрит воображаемый родоначальник Лерма — Лермонтов: шотландский дворянин в средневековой одежде с воротником — жабо, поверх которого рыцарская цепь; тот тип бороды, что мы сейчас называем «шотландкой», а глаза предка М. Ю. Лермонтов соотнес со своими, родовыми, тревожно-грустными:

*Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
(1831-го Июня 11 дня)*

Вся история Шотландии от Средневековья и едва ли не до наших дней** — суть беспрестанная борьба и изгнание, отсюда и генофенотипически сложившийся национальный характер резкого неприятия почти что всего окружающего, что и есть нонконформизм. При населении в 10 % от общebritанского, только в XIX — первой половине XX вв. свыше двух миллионов шотландцев вынуждены были уехать в США и в британские доминионы: Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Но никем не сочтано число покинувших родину, в основном, по религиозным соображениям и массовой нищете в века предшествующие.

И русская историография здесь явно хромает, ибо даже искушенный в истории России, русской науки, литературы и искусства человек на вопрос о времени и при-

* Помните из диссидентского фольклора: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании, безусловно, корифей...» Можно различно относиться как к теории Марра, так и к степени компетенции Иосифа Виссарионовича, но лучше эту работу прочитать, например, в № 4, 2007 «Приокских зорь».

** Вспомните совсем недавний референдум за отделение Шотландии от Англии: всего 5 % голосов не хватило.

чинах появления в нашей стране шотландцев 100 %-но ответит: Петр Первый вместе с голландцами и немцами «выписал». А иной остроумный, забыв, что Лермонтов из шотландцев, даже его же и процитирует:

*И что за диво?.. издалика,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока...*

И такое бывает. Наверяд ли Михаил Юрьевич смог бы так написать, если бы его предки были «выписаны» в Россию в качестве гастарбайтеров того, петровского времени... Нелюбопытны мы в своей истории, сказал Поэт, нелюбопытны. Не единицы, подавляемые числом немцев и голландцев, шотландцев приехали в Россию при Петре и в «женский» императорский XVIII век, но десять тысяч их были переселены в нашу страну в веке XVII указом царя Алексея Михайловича; Тишайшего — по вошедшему в историю прозвищу-характеристике.

Заодно напомним, родства не помнящим, что долгое правление второго царя романовской династии сделало Россию истинным Третьим Римом, «...а четвертому не бывать!». Полностью отгородившись от Запада границей завоеваний (и поражений!) Ивана Васильевича Грозного, закрывши Муравский шлях от набегов крымской татары тульскими, рязанскими, коломенскими и другими крепостями-кремлями и засеками, занявшись вплотную продвижением страны Сибирью до Тихого океана, Русское православное царство стало самодостаточным, автаркическим (это как СССР при Сталине), ни от кого не зависящим и ни в ком не нуждающимся. Как Первый и Второй Рим, то есть Древний Рим и Византия.

...Именно во времена царствования царя Алексея Михайловича в Шотландии кипение этнополитических и религиозных страстей дошло до предела. Всего через три десятка лет после объединения с Англией личной унией — после вступления на английский престол шотландской династии Стюартов — в Шотландии началось восстание против Англии. Истоки их противостояния, начиная с XI века, во-первых, этническая: англо-саксы и шотландцы, потомки ирландских кельтов и древних пиктов и гэлов; во-вторых, а скорее всего — в главных, сложное сочетание и борьба в самой Шотландии католичества и кальвинистской реформации в форме пресвитерианства. И, наконец, в XVII веке — пик буржуазной революции, где главным жертвами первоначального накопления в англо-шотландском королевстве стали именно потомки кельтов.

Все это вылилось в ситуацию, когда массовая эмиграция шотландцев оказалась единственным выходом из сложившейся громокипящей обстановки. Главной страной в Европе, заинтересованной в большом притоке переселенцев для заполнения «нескандальными», работающими людьми в XVII—XIX вв. своих огромных и пустоватых земель являлась Россия. Как веком позднее Екатерина переселила на Волгу религиозную общину немецких гернгутеров, а еще веком без малого позднее русские императоры заселяли пустынную доселе завоеванную Новороссию — из-под турок — балканскими народами, так и Алексей Михайлович инициировал переселение в Архангельскую губернию, в основном, в Каргопольский уезд, водным путем по Норвежскому, Баренцеву и Белому морям порядка десяти тысяч шотландцев: в массе своей крестьян и мастеровых, но наличествовали среди них и дворянские ряды.

Как повелось на Руси со времен распадающейся уже Золотой Орды, когда татарский «уездный князь» выходил из Орды и шел под руку московского государя, то ему давали «на прокормление» русский город — в основном за счет всегда подозре-

тельному Москве Рязанского княжества. Именно там расположены два города с полутатарским до сих пор населением: Касимов и Кадом, данные Москвой двум братьям — Касьму и Кадыму, «вовремя» ушедшими из Орды... от греха подальше.

...Так и с переселившимися шотландцами поступили. Основная масса новоприбывших поселилась в Поморье, никогда не знавшем ни татарского нашествия, ни «родного» крепостного права, а знати, тем же Лермонтам, Рылентам и Бальмонтам, выделяли поместья — наделы между Москвой и Уралом, в основном, в Нижегородской и Пензенской губерниях, зачислив их в ряд служилого русского дворянства. Как, мол, потопаешь, так и полопаешь!

Из новонародившегося русско-шотландского дворянства вышло в дальнейшем много талантливых поэтов, военачальников, ученых, о чем говорилось выше, а какова судьба основной массы архангельских переселенцев? — а замечательная судьба...

Помню, в совсем уж детские заполярные, маячные годы, только-только научившись читать, закреплял — по совету отца — эти навыки ежеутренне, отрывая очередной листочек настенного календаря. Великая кладезь необходимых знаний содержалась тогда на оборотных сторонах этих листочков: от способа приготовления щей и плова до высокой поэзии и знаменитых событий античного мира! Эта «энциклопедия» так и осталась для нынешних средне — и старших поколений базисом знания о вещах обыденных и не только...

К сожалению, память взрослого человека* о своих детских годах более эмоционально-абрисная, нежели конкретно-словесная, потому и не могу вспомнить ни автора, ни содержания оборота одного такого листка из отрывного календаря, содержавшего стихотворение об истории архангельских шотландцев-переселенцев. Кажется, один из двух известных советских поэтов Марковых, даже возможно Сергей Марков. А может и Александр Яшин — оба из шотландских потомков. Но ведь это самое содержание — абрис хранится в подсознательной памяти, а суть его: прибыли из-за моря шотландцы, расселились по городам, деревням и погостам** Каргополья и Онеги, очень быстро растворились в русской среде, ассимилировались, как мы сейчас говорим, и уже ничем от коренного населения во втором — третьем поколениях не отличались. Даже религию свою, из-за которой покинули Шотландию, скоренько забыли, приняв православие:

... Молились в Ивана — шири
На Пасху и в Рождество....
Четвериками и гарницами мерили серебро.

(Заранее извиняюсь за неточный текст строфы). Россия всех принимает и ненавязчиво делает русскими, в первую очередь, по душе и общинному образу жизни. Тем более, что шотландцы, потомки кельтов, этнически близки славянству — из одной группы индоевропейского корня, а по национальному типу характера — и вовсе братья-близнецы.

...Пусть не морщатся наши думцы, занявшиеся — в очередной раз в совсем не давней русской истории — «истой» борьбой с винопитием, но, поскольку основная зерновая культура и в Шотландии, и в нашем Поморье суть ячмень, то переселенцы очень скоро научили местных знать высококачественную «ячменную», в этом деле

* См. книгу: Герасимов И. Г., Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Память, или воспоминание о будущем. Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 11 / Предисл. В. П. Казначеева, В. Г. Зилова, А. И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.— Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2014.— 450 с.

** Погост (новгородск.) в архангельском Поморье — это вовсе не кладбище, но очень распространенное название маленькой деревушки, хутора об нескольких избах...

непревзойденными мастерами. Как сказал «самый шотландский» поэт Роберт Бернс: «Каждый шотландец умеет гнать виски, еще находясь в утробе матери». Но более всего переселенцы, знатных родов и тягловых крестьян, дали в своих потомках выдающихся русских поэтов. Часть имен уже была названа выше.

...И мать моя, все из тех же архангелоградских потомков переселенцев, вспоминала свою каргопольскую жизнь. Запомнилось из ее рассказов о *local color* тех мест: некоторые деревни звались в обиходных разговорах «кофейными» исстари; это в старой-то русской глубинке народ охоч был не до чая, но до кофе? А что поделаешь, как и виски, — тоже национальный шотландский напиток, правда, из того же ячменя. Помните из советских времен пачки с таким «кофе»: «Ячменный», «Народный» и еще что-то в этом роде. А производить такие крайне полезные, заметим, для здоровья напитки в фабричном масштабе начали в XIX веке купцы, все те же потомки переселившихся в Россию шотландцев. — Что бы там не злопыхали советские и нынешние диссиденты о народе (до которого им никакого дела не было и нет!), «измученном суррогатом».

Еще мать рассказывала в том ключе, что как только в их деревне и окрест кругом ребята вырастали и омужичивались, отпускали бороды, так все смотрелись под одну гребенку: на голове волосы обычные русые, а бородищи лопатой* и ярко-красные... именно красные, не рыжие! — Это все от давешних шотландцев... Что ж, были и мы рысаками, носили лет двадцать такую роскошную бороду. К сожалению, даже у далеких кельтских потомков она быстро седеет.**

...Пусть читатель извинит нас за столь подробное *intermezzo*, но, во-первых, это по разряду исторического просвещения; во-вторых, все имеет самое полное отношение к отображению национального характера на творчество. А шотландские корни Лермонтова, как уже было сказано, в немалой степени способствовали развитию и поддержанию в его стихах и прозе, драматургии тоже, выраженного качества нонконформизма.

Несомненно, Лермонтов однозначно полагал о своем шотландском происхождении. Это не только его картина «Предок Лерма». Если читать письма его, то многие из них, не только семейственным тетушкам и кузинам, знакомым молодым женщинам и девушкам, но и хорошим друзьям навроде С. А. Раевского, подписаны кириллицей или латиницей: М. Лерма, M. Lerma.

Таким образом, уже генофенотипически (извините за научную терминологию) Лермонтов являлся выраженным протестантом-нонконформистом. Не в том, понятно, смысле, что он «один идет в ногу», но протестная черта его творчества доминирует над нейтрально-описательской, эстетической словесной и так далее. Очень часто преобладает, что называется, «с перехлестом».

Возьмем его «Смерть поэта», с которого собственно и стал Лермонтов всероссийски известным, с которого и личная, творческая судьба изменилась. Мощнейшая экспрессия небольшого по размерам стихотворения — ибо погиб его непререкаемый учитель в поэзии, прозе, драматургии, сочтанная с чувствами русского патриота... И вместе с тем именно этим великим произведением он заявил о своем полном неприятии всего и вся в окружающей его героев среде.

Конечно, строки:

* Генофенотипически именно цвет и, так сказать, вся фактура мужской (видите, уже приходится оговариваться в эпоху «Кончиты Европы»...) бороды являются наиболее устойчивым и неизменяемыми в череде многих и многих поколений.

** Раннее поседение — это, говоря языком биологии, генетический фактор всех народов, основной пищей которых исторически являлась морская рыба.

*А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправише обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..*

— величайший в русской, да и мировой, поэзии приговор почти лю бо й власти, опирающейся на избранный круг своих клеветов. Это ведь вам не мандельштамовские «...У него что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина». Сам Сталин посмеялся и порекомендовал — через наркомвнудела — автору пожить пару лет в Воронежже, пообщаться с народом... Но — это к слову.

Но в целом, объективно оценивая это, повторимся, гениальное стихотворение Лермонтова, сразу отмечаем: здесь преобладает гнев, экспрессия, обличительство «надменных потомков» и «заброшенных к нам по воле рока», но в целом-то? — А в целом центральным местом являются строки:

*Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..*

То есть, подспудно, но в поэтических строках — явно, Лермонтов все страстное обличение, как бы точнее сказать — нивелирует до личностных причин гибели Поэта: доверчивость, вольнолюбие и неукротимый наследственный африканский темперамент и вспыльчивость.— О последней — первая строфа стихотворения.

А обличение «жадною толпой, стоящих у трона», «восстания против мнений свята» и так далее? Да, Пушкин понимал свой талант, гений, но зачем он в запальчивости своей был столь неосторожен, зачем осыпал злыми эпиграммами всех и вся? — Чего же он должен был ожидать от вечно завидующих талантливому человеку посредственных людишек, имя которым — легион? Да еще взбешенных явным и нескрываемым покровительством императора Николая Первого Пушкину, как по эту — государственнику и патриоту*, автору «Клеветникам России», кстати, сей-час для России в очередной раз в ее непростой истории архиактуальному...

И еще неизвестно, чем больше Пушкин раздражал и бесил своих недругов — людишек: признанием Пушкина первым поэтом России, своими эпиграммами и заметной поэтической и личностной вседозволенностью или царской милостью — опекой? Понятно, что как и всех, «жадною толпой стоящих у трона», более бесило недругов поэта как раз последнее — но неупомянутое даже полунамеком Лермонтовым в «Смерти поэта»... На этом-то они и сыграли свою смертную для поэта игру. Беспроегрышную.

Таким образом, Лермонтов с созданием «Смерти поэта» и последовавшей ссылкой на Кавказ вступил в фазу второго после Пушкина поэта России ярко выраженным экспрессивным нонконформистом, что и дальше явно прослеживается во всем его творчестве.

* См. «Колонку главного редактора» в № 2, 2014 «Приокских зорь»: «Пушкин и Толстой: государственник и пророк».

Прочитаем первые строки раннего, 1829 — го года, стихотворения Лермонтова «Посвящение N. N.»:

*Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!
Оттенок чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар...*

А не ранний ли это Пушкин? — совершенно верно. Даже самый неискушенный в литературоведении человек по этому и другим (многочисленным) стихам юного и уже взрослеющего поэта почувствует подражательный Пушкину их характер. Это азбука и серьезного лермонтоведения (Б. М. Эйхенбаум и др.). Поэтому в массовых изданиях собраний сочинений Лермонтова, в отличие от общепринятого, распределение текстов идет не в хронологическом порядке, но двухчастное в каждом томе: первая часть — наиболее значимые произведения 1837—1841 гг., вторая — юношеские, подражательные Пушкину, эпиграммы и неоконченные произведения, которых у него много как в поэтическом, так и в прозаических жанрах. И сам Лермонтов, прекрасно оценивая неравнозначность созданного им, при составлении первого и единственного прижизненного (1840 г.) сборника своих произведений включил в него всего двадцать шесть стихотворений и две поэмы.— Это из более чем трехсот написанных стихотворений и двадцати двух поэм.

Опять же из пяти драм он отдал для постановки только «Маскарад», а из прозы опубликовал лишь «Героя нашего времени».

...Это мы к тому сообщаем хорошо известное, что обилие в творчестве Лермонтова незаконченного, так сказать, недоработанного, подражательного Пушкину, массы планов, набросков, отрывков, заставляет вполне обоснованно полагать: слишком мало отпущено было ему жизни вообще и, в особенности, жизни творческой. Конечно, и Пушкин очень рано ушел из этого мира, но его стихийный гениеталант и генотип африканца, что называется, торопящий человека жить и творить, сделали свое дело: Александр Сергеевич почти все успел, к чему был назначен судьбой. Особенно, конечно, в поэзии: здесь он успел все свершить. Да и сам уже стал приговаривать в том смысле, что, дескать, староват стал для стихов, на прозу тянет... Что и начал преломлять в своем творчестве на четвертом десятке жизненных лет.

Вот этих-то десяти лет, как у Пушкина, не хватило Лермонтову, да еще не южанину по предкам, совсем наоборот, потому что почти северных народов, чтобы «устояться» как истинно великому поэту, прозаику и драматургу. А кто знает — чему бы он отдал в распоряжение свое перо на этом самом «пушкинском четвертом десятке»? Тем более, даже произвольно трактуя известную истину, что талантливый человек талантлив во всем, определенный вопрос вызывает одновременная работа Лермонтова «по трем фронтам»: та же поэзия, проза и драматургия. Даже при явной доминанте поэзии.

Здесь житейское определение «разбрасывался» явно не годится. Может, действительно торопился, предчувствуя малый отпущенный ему срок — это не только склонные к мистицизму литературоведы говорят, но и вариант пробы на уровне мастерства в избрании жанра заслуживает внимания. Но, скорее всего, здесь все проще и понятнее, учитывая, что Пушкин для него являлся непререкаемым кумиром и авторитетом. Лермонтов пришел в литературу серьезно, то есть, пройдя уже этап «юнкерских поэм», когда Александр Сергеевич уже покорил «трехглавую вершушку» русской литературы: поэзию, прозу и драму. К этому он пришел в известной

последовательности и, что называется, методом проб и отсечения неверных ходов. Но для Лермонтова-то эта «трехглавая вершина» являлась не только кавказскими видами, но живым и видимым уже в триединой целостности творчества своего Учителя! Впрочем, данная литературоведческая пролегомена (это по Канту) требует отдельного и аргументированного рассмотрения...

Итак, мало жил, но творчески развился высоко... но не хватило десяти «пушкинских лет». Отсюда вытекает и второй, кроме национальной предрасположенности, исток нонконформизма в творчестве Лермонтова: годы молодости с ее прямолинейной нетерпимостью всего негативного не успели перейти в лета объективной рассудочной мудрости, подавляющей фонтанирующие всплески эмоций. Что было характерно для Лермонтова при всей его, отмечавшейся его окружением, внешней холодности и той же внешней рассудительности.— Это проявление типичного «северного» характера.

Вот эту внешнюю холодность и безэмоциональность, явные черты нонконформизма, при внутреннем «кипении», что являлись доминантой характера Лермонтова, он в полной мере воплотил в главном своем прозаическом герое — Печорине, во многом alter ego* автора.

«Герой нашего времени» — это литературный мостик, связующий пушкинского Онегина с последующими героями всех русских писателей второй половины XIX века, прежде всего — с героями Тургенева:

*И в нем души запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.
(«Эпитафия», 1830)*

...Со школьных лет мы помним неукоснительно, что Печорин — байронический типаж. Как и Онегин, как и герои Тургенева etc.** Сам Лермонтов пишет в своих заметках: «1830. З а м е ч а н и е (выд. М. Ю. Лермонтовым — Авт.). Когда я начал марафеть стихи в 1828 году [в пансионе], я как бы по инстинкту переписывал и прибирал их, они еще теперь у меня. Ныне я прочел в жизни Байрона, что он делал то же,— это сходство меня поразило!»

Из всех европейских и вообще мировых литератур Байрон оказал мощнейшее влияние именно на русскую словесность: поэзию и прозу. Семя пало на благодатную для его роста и созревания почву. Само формирование русского критического реализма в XIX веке во многом ориентировалось на байронизм, но в совершенно оригинальной русской «упаковке».

...В той же советской школе нас учили: Печорин — это Онегин в прозе, что несомненно и в русле мощнейшего «пушкинского следа» в творчестве Лермонтова. Здесь, впрочем, интересно сопоставить мнения о «Евгении Онегине» и «Герое нашего времени» очень хорошего знатока русской словесности, постоянно державшегося в курсе литературных новинок... императора Николая Первого (в чем они очень схожи со Сталиным). Если о пушкинском Онегине он отзывался, скажем так, нейтрально-положительно, то о «Герое нашего времени», как свидетельствуют литературоведческие источники, император высказался очень даже неодобрительно...

Хотя тема произведений и характеры Онегина и Печорина исполнены, что называется, в едином сюжетно-художественном и смысловом ключе, но большой

* Второе Я (лат).

** И так далее (лат).

знарок литературы и человеческих души император Николай почувствовал в романе Лермонтова чуждый ему, как «рыцарю самодержавия» — название книги нынешнего ректора Литературного института им. А. М. Горького, писателя Б. Н. Тарасова, — протестный дух байронического нонконформизма (надеемся, читатель уже привык к этому термину...), что и сам Михаил Юрьевич не преминул четко обозначить в предисловии:

«Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!»

Этим сам Лермонтов все и сказал. А имена Григория Александровича Печорина, Максима Максимовича, Грушницкого, Бэлы, Казбича, Азамата, таманских контрабандистов у всех в памяти со школьных лет, так что и разбирать подробно «Героя нашего времени» в интересующем нас аспекте вовсе не требуется. Два других более-менее крупных, но не завершенных, прозаических произведений — «Вадим» и «Княгиня Лиговская» во многом дополняют «Героя нашего времени», но и только. Особняком стоят «Кавказец» и «Ашик-Кериб» — короткие зарисовки ориентально-кавказской этнографии, но не color local, а опять же характеров.

*Проза Лермонтова уникальна своей точностью (и краткостью) обрисовки характеров с их специфической чертой отстраненности от традиционного быта и межличностных взаимоотношений. Очень верно, опять же емко, сказал А. Н. Толстой, сам выдающийся мастер обрисовки характеров: «Лермонтов-прозаик — это чудо, это то, к чему мы сейчас, через сто лет, должны стремиться... Читаешь и чувствуешь: здесь все: — не больше и не меньше того, что нужно и как можно сказать. Это глубоко и человечно. Эту прозу мог создать только русский язык, вызванный гением к высшему творчеству. Из этой прозы — и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Лев Толстой, и Чехов. Вся великая река русского романа растекается из этого прозрачного источника».**

Имея в виду традиционный футуристический вопрос, обычно адресуемый к двум нашим великим поэтам: а что бы было, проживи они дольше своих немногих лет? — в отношении Лермонтова-прозаика литературоведы обычно указывают на слова Белинского: незадолго до своей гибели Михаил Юрьевич предполагал написать трилогию — из трех знаковых периодов жизни страны и ее, уже консолидирующегося общества: из времен Екатерины, Отечественной войны 1812 года — от Петербурга до Венского конгресса, и из кавказской жизни при Ермолове — до гибели Грибоедова.

Все три романа предполагались связанными как, отчасти, действующими пер-

* А. Н. Толстой, ПСС, Т. 13.— М., 1949, С. 428. Цит по книге: М. Ю. Лермонтов. Собр. Соч. в 4-х тт. Т. 4.— М.: ГИХЛ, 1958.— С 477.

сонажами, так — и особенно — идейно-литературной направленностью. Но — человек полагает, а Бог располагает...

Последние четыре года жизни Лермонтова — от его всероссийского признания и до гибели — неразрывно связаны, прежде всего, в творчестве, с Кавказом. Это тот удачный для него фон, что позволил — прежде всего, поэту — самовыразиться как сугубо индивидуальному характеру со своим местом в русской литературе, как неприемлющему существующие нормы быта и отношения людей в так называемом «обществе». — Все тот же нонконформизм, так характерный для кавказской (северокавказской) жизни. Словом, нашла коса на камень... Или из того же фольклора: рыбак рыбака видит издалека.

...Кавказ есть самое чудесное и чудное место,— что-то навряде этого сказал посетивший его Дюма-отец. И классик норвежской литературы Кнут Гамсун завершил свой очерк «В сказочной стране»* о путешествии по Кавказу многозначительными словами: «День склоняется к вечеру. Я сижу у открытого окна и смотрю на голых людей, которые сидят верхом на лошадях и купают их в Черном море. Их темные тела выделяются на фоне синей воды. А солнце все еще озаряет своими последними лучами развалины замка Тамары, который возвышается над густым темным лесом.

Завтра мы опять едем в Баку, а оттуда дальше на Восток. И так, мы скоро покидаем этот край. Но я всегда буду тосковать по нему и стремиться сюда. Ибо я пил воду из реки Куры».

Не буду, уважаемый читатель, агитировать вас, как раньше говорили, за советскую власть. Ибо сами хорошо знаете специфику Кавказа и его обитателей. И исторические истоки формирования кавказского характера. В том числе и своеобразное сочетание национальной родоплеменной общинности и замкнутости внутри этих общин — по отношению к соседним народностям и племенам. А внутри — межродовая кровная месть? Вряд ли кто усомнится, что в XIX веке Сибирь заселялась в равных пропорциях потомками сосланных в каторгу и на поселение русских разбойников и преступников, кавказских «кровников» и многих тысяч поляков, отправленных за Уральские горы после очередного варшавского восстания против царя...

Из первых, многократно описанных в литературе, это толстовская Катюша Маслова и бунинский гвардейский офицер, застреливший из ревности свою соержанку («В темном море»), и многие, многие другие. Из вторых, конечно, великодушная фигура Ибрагима-оглы из ишиковской «Угрюм-реки». А вот из третьих — и ходить далеко не надо: член нашей редколлегии, старейшая писательница России, недавно отметившая свое 90-летие (см. № 2, 2014 «ПЗ»), Наталия Диомидовна Парыгина — потомок сосланного в Сибирь за участие в восстании польского дворянина Конопко.

Итак, мягко говоря, презрение к цареву закону, коль скоро тот противоречит положениям родового адата, неиссякаемое вольнолюбие и ... подозрительность, причина которой — постоянное ожидание врага внешнего; приведем отрывок из «Спора» Лермонтова:

... Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,

* Кнут Гамсун. В сказочной стране. Переживания и мечты во время путешествия по Кавказу / ПСС, Т. 3.— СПб: Издание Т-ва А. Ф. Маркс. 1910.— С. 450—606.

Двигаются полки;
 Веют белые султаны,
 Как степной ковыль,
 Мчатся пестрые уланы,
 Подымая пыль;
 Боевые батальоны
 Тесно в ряд идут,
 Впереди несут знамена,
 В барабаны бьют;
 Батареи медным строем
 Скачут и гремят,
 И, дымясь, как перед боем,
 Фитили горят.
 И, испытанный трудами
 Бури боевой,
 Их ведет, грозя очами,
 Генерал седой.
 Идут все полки могучи,
 Шумны, как поток,
 Страшно медленны, как тучи,
 Прямо на восток...

Это о ермоловском покорении Северного Кавказа («генерал седой»). А вот за христианское Закавказье русские полки с седыми генералами долго и кровопролитно сражались с внешним врагом. Россия воевала, и неоднократно, учитывая и советский период, с Японией, тем более с европейскими странами: Польша, Германия, Франция, Англия, Швеция, Италия, Венгрия... даже Королевство Сардиния (это в Крымскую кампанию)! Но по числу войн России доминируют двенадцать войн с Турцией и пять войн с Персией, причем последние исключительно в защиту Грузии. В итоге Георгиевский трактат позволил ей благоденствовать «за гранью дружеских штыков». Настали, однако, новые времена и Грузия отплатила России недавней «пятидневной войной». Правда, при этом потеряла два своих клыка...

Истинно говорил самый русский (этнический немец) царь Александр-миротворец, что у России в мире только два союзника: ее армия и флот. Увы, сейчас, когда весь мировой империализм с примкнувшими к нему шавками ополчился на Россию, эти ее два союзника не в очень хорошем состоянии: нет сталинских танковых армий и господствующей в небе авиации, нет могучего океанского флота 60—80-х годов. Пострадали многие — внешние враги и агенты внутреннего влияния. «Пиджачные» министры обороны и «болотные» горлопаны — это только верхушка айсберга...

Однако вернемся от скорбной нашей действительности к кавказской жизни и произведениям Лермонтова. Так сказать, поэт русского нонконформизма в соответствующей этому же среде Кавказа времен его покорения.

...Вот разговор о старине
 В палатке ближней слышен мне;
 Как при Ермолове ходили
 В Чечню, в Аварию, к горам;
 Как там дрались, как мы их били,
 Как доставалось и нам...

(«Валерик», 1840)

«Валерик» — это далеко (и не только) военная «этнография», как почему-то принято думать. В литературоведении в том числе. Это достаточно глубокое самовыражение Лермонтова-поэта; Кавказ здесь, хотя и сильный, колоритный, но все же фон. Из того же «Валерика»:

*... Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу...*

Но своего рода лермонтовским катехизисом кавказского этапа его творчества является, вне всякого сомнения, поэма «Мицыри»:

*Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в рай,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...*

** * **

«И возвратится вновь к тому...» — То есть к началу настоящей «Колонки»: суть подзаголовка к ее названию. В ранее опубликованном в «Приокских зорях» проекте Манифеста нового русского критического реализма (№ 1, 2011), кстати, перепечатанного рядом российских периодических изданий, мы утверждаем о непрерываемом, последовательном развитии принципа русского критического реализма, включающего в себя реализм литературы XIX — начала XX вв. социалистический реализм советского периода истории страны, нарождающийся новый русский критический реализм.

В свою очередь, у истоков русского реализма стояли, а далее развивались и сейчас развиваются в неотъемлемом единстве, три составные его части: широко понимаемая народность литературы, общекритический, нигилистический ее аспект и конструктивная критика. Последняя суть преобладающе развитая в социалистическом реализме и вытекает из принципа: в той или иной степени содержанием и самой апологией существования литературы является ее определенная оппозиционность к любой форме власти, но высшим развитием этого принципа является кон-

структивная оппозиция, что мы и наблюдаем в творчестве классиков советской литературы. Того же стараются придерживаться и серьезные (не из пиарщиков!) современные литераторы.

Даже не обсуждаем: у истоков широко понимаемой моей народности стоит Пушкин. А вот Михаилу Юрьевичу, великому ученику Поэта, было суждено в названном триединстве дать источник сугубо критической составляющей русского критического реализма, то есть нонконформизма в творчестве:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...*

* * *

По уже установившейся, надеемся — доброй, традиции «Колонка главного редактора» заключительного номера журнала текущего года задает тему дискуссии на страницах «Приокских зорь» года последующего. То есть приглашаем всех читателей и авторов нашего журнала принять самое активное участие в дискуссии 2015-го года по теме: «Лермонтов и истоки русского критического реализма: К 200-летию великого поэта».

...Еще раз призываем к активности. Мы вступили уже в третье десятилетие всеобщей апатии и литературного «разброда», но кто как не мы, подвижники отечественной словесности, можем преодолеть их? Собственно, сам факт регулярного проведения литературных дискуссий в «Приокских зорях» и был вызван к жизни данным насущным вопросом.

